

Гипотезы

УДК 151.21: 151.31: 151.41: 151.81 + 81

Маловичко А. В., Козырский В. Г.

МОГ ЛИ СОХРАНИТЬСЯ ЯЗЫК ПЕРВОБЫТНОГО ОХОТНИКА? (МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА — III)

Приведены новые аргументы и нетривиальные иллюстративные примеры в пользу моногенеза языка.

Ключевые слова: языкознание, компаративистика, моногенез языка, ностратическая теория, хамитские языки, дивергенция языков.

В настоящее время палеоархеологи и палеогенетики могут уже сказать определенно: территория, на которой на протяжении последних двух миллионов лет существовало, которое называется человеком, научилось использовать палку и камень для добычи пищи, а позже обрабатывать этот камень, была территорией экваториальной Восточной Африки. Именно на этой территории было найдено значительное количество наиболее ранних артефактов эпохи нижнего палеолита.

Однако, к большому сожалению, наука о человеке никогда не пыталась решить проблему языка архантропа. Существовал ли вообще такой язык? И, если существовал, то в какую эпоху он мог появиться? И что он представлял собой? Был ли этот язык изобретением человека эпохи нижнего палеолита, или это изобретение более разумных людей верхнего палеолита? Разумеется, эта проблема давно волновала исследователей, которые, скорее всего, соглашались с теми лингвистами, которые категорически отрицали возможность восстановления хоть какой-нибудь лексики языка древнейшего охотника-архантропа. В настоящее время находится в силе теория появления языка (названного естественным звуковым), 100 тыс. лет назад, в эпоху верхнего палеолита [1]. (При чтении в ЛЭС [1] статьи о глоттогенезе, создается такое впечатление, что человек современного вида, т.е. *Homo sapiens sapiens*, появился вдруг на территории близкой к Европе и сразу же овладел естественным языком, в отличие, видимо, от неестественного языка, доставшегося неандертальцу, которого, как считают некоторые исследователи, вскоре полностью уничтожили).

Трудно представить себе, каким образом эти лингвисты представляют себе жизнь своих немых предков на протяжении более полутора миллиона лет (может быть и больше). Скорее всего они не задумываются над этой проблемой, мол, пусть над этим думают другие. И, наверное, среди них уже мало таких, кого бы интересовали такие глобальные проблемы. Занимаясь профессионально отдельными языками, они не представляют себе, что когда-то мог существовать единый язык, лексика которого, по мнению большинства, «естественно», не могла дожить до наших дней. И поэтому они не допускают мысли о необходимости поиска лексики такого языка. В результате доминирования такого мнения за проблему поиска первичного языка берутся представители других наук. Правда, лингвисты допускают существование в древности каких-то языков общения, но, как мы уже говорили выше, они полностью исключают возможность восстановления этих давно утерянных языков. В тридцатых годах французский лингвист Жан Вандриес, писал: «...Мысль о том, что путем сравнения существующих языков, можно восстановить первичный язык — химера» [2]. Эта мысль полностью выражает идею, которая, по-видимому, позволила лингвистам на пол века закрыть эту тему и забыть ее.

Нам представляется, что такая тупиковая ситуация в проблеме определения времени появления языка у человека, вызвана глобальной политизацией исторических наук в XX веке — ведь надо же было оправдать завоевания чужих территорий и претензии своих соотечественников на исключительность своей древней расы или нации. Для чего и были выделены «главные» языки, носители которых обучали «немых» и необразованных языкам и культуре. Речь идет и о претензиях германцев на превосходство, об англичанах, считавших жителей колоний недоразвитыми, и о других многочисленных завоевателях XV–XX веков, и т.д.

Некоторые авторитеты XX века считали (и сейчас считают), что еще 50–60 тысяч лет назад языка у человека не было. Однако, в решении проблемы возникновения и истории языка, к счастью, есть несколько исключений. Мы имеем в виду выдающуюся работу В.М.Иллич-Свитыча [3], работы М.Сводеша [4], С.А.Старостина [5], А.С.Мельничука [6], Ю.Л.Мосенкиса и др. Правда, работы этих исследователей чисто лингвистические, поэтому проблема территории и времени появления языка у человека, в них не рассматривалась. Но работы этих исследователей могут служить отправной точкой для поиска первоначального, единого языка, территории его появления и формирования, в существовании которого некоторые ученые уже не сомневаются (благодаря работам генетиков).

В настоящей работе мы приводим аргументы в пользу существования по сей день лексики такого языка. Самое интересное то, что эта одинаковая по форме лексика, хоть и в очень небольшом количестве, сохранилась в большинстве проверенных нами современных языков, носители которых в настоящее время живут в Африке, Евразии и в Северной Америке. Как и следовало ожидать, в этих языках эта лексика «разбросана» случайным образом, что говорит о том, что мы имеем дело с системой, подчиняющейся статистическим законам.

Мы пока не имеем возможности проверить лексику языков Центральной и Южной Америки. И вообще, мы смогли проверить искомую лексику лишь в очень малой части современных языков, примерно в 2 % от их общего количества.

Настоящая работа является продолжением наших предыдущих работ, в которых мы выдвигаем гипотезу, согласно которой, уже в эпоху нижнего палеолита у архантропа существовал примитивный язык, состоявший из 2–3 десятков слов (кроме названий диких животных и растений). Такой язык мы назвали «единообразным» [7, 8, 9]. Но в этих работах рассмотренная лексика еще не была нами систематизирована, поскольку мы окончательно не определились, какая лексика могла и должна была сохраниться до нашего времени в большинстве языков. В настоящей работе мы представляем найденные нами формы для предлагаемого нами 22-х словного списка, который, по нашему мнению, представляет древнейшие формы «единообразного» языка первобытного охотника.

Как же можно объяснить это явление сохранения древнейшей лексики, «дожившей» до нашего времени? Ответ на вопрос: действительно ли какая-то лексика «смогла дожить» до наших дней, должен дать список, в котором мы представляем результаты нашего исследовательского поиска.

Если наши наблюдения и выводы верны, то возникает главный вопрос: разве нельзя было уже давно предположить, что, занимаясь производством каменных орудий или рожая и воспитывая детей (что делают и животные) на протяжении нескольких сот тысяч лет на территории Африки, человек не смог бы обойтись без общения с себе подобными с помощью звуковых сигналов, совокупность которых, без сомнения, можно назвать языком. Все это говорит о том, что те, кто прогнозировал отсутствие древнейшей лексики в современных языках, наверное, никогда не занимался поиском древнейших лексических форм.

Хотим обратить внимание читателей на работы группы московских лингвистов, объединенных в проекте «Вавилонская Башня», которой руководил С.А.Старостин.

По словам руководителя проекта, конечной целью проекта был ответ на вопрос: на каком языке разговаривали Адам и Ева? Группа, которая начала работу, еще в семидесятых годах (на самом деле С.А.Старостин долгое время работал один и большую часть исследовательских работ осуществил сам), восстановила (реконструировала) праформы языков нескольких языковых семей, в основном, сино-кавказской макросемьи и алтайской семьи [10, 11, 5]. Обработывалась, в основном, лексика 100-словного списка М.Сводеша [5,12].

Мы пришли в своих поисках к несколько иной методике. Как стало нам известно позже, мы (сами того не зная), применили «метод массового сравнения» (по-англ. mass comparison, в более поздних работах — multilateral comparison, «многостороннее сравнение») американского лингвиста Джозефа Гринберга. «Этот метод заключается в том, чтобы сравнить как можно большее число слов из как можно большего числа языков (не проводя этимологического анализа и не устанавливая регулярных фонетических соответствий) — чем больше между языками

похожих слов, тем ближе их родство. Действительно, случайное совпадение большого количества лексики между неродственными языками маловероятно...» [12]. Применение нами этого метода оправдывает отказ от проверки регулярных фонетических соответствий — Дж. Гринберг тоже не проверял регулярные фонетические соответствия, поскольку считал, что со временем они затемняются и для доказательства дальнего родства непригодны. То есть, если в разных современных языках существует лексика, подобная по форме и, разумеется, по значению, то такая лексика может говорить только об одном: сравниваемые языки когда-то были близки, то есть, они являются генетическими родственниками.

Наши исследования отличаются несколькими моментами от предыдущих:

1) В отличие от существующих теорий происхождения языка у человека, мы считаем, что язык не мог появиться вне территории Африки. Эпоха верхнего палеолита тоже не могла быть эпохой появления языка — для этого надо было бы представить себе, что создатели каменной индустрии были на протяжении более чем 1 миллиона лет (может быть и больше) немymi. Исходя из этого предположения, мы считаем, что необходимо начинать исследования появления наидревнейшей лексики человека с африканских языков. И, поскольку нам доступны словари лишь нескольких языков Африки (количество африканских языков, по Дж. Гринбергу, составляет около восьмисот), мы начали наши поиски с этих нескольких языков Экваториальной Восточной и Западной Африки. Разумеется, мы воспользовались материалом, который опубликовал Дж. Гринберг в книге [13].

2) Как было сказано выше, своей заслугой мы считаем составление и проверку, предложенного нами 22-словного списка, одинаковые формы которого сохранились во многих языках. Некоторых слов из этого списка нет даже в 100-словном списке базисной лексики М. Сводеша, не говоря о более коротких списках других исследователей. Слова нашего списка, которых нет в списках других исследователей: ‘хватать’ (grab, snatch), ‘резать’ (cut), ‘нож’ (knife), ‘бить’ (beat), ‘ребенок’ (child), ‘гусь’ (goose) и ‘каrp’ (carp).

3) Появление такого огромного количества современных языков, мы объясняем дивергенцией «единообразного» языка не только на территории Африки, но, в основном, на территории Евразии: к лексике «единообразного» языка добавлялась собственная лексика, «изобретенная» в каждой отдельной группе древних охотников, которая начинала жить изолированно на какой-то новой территории (в основном, Евразии).

4) В результате поисков мы обнаружили факты, которые подтверждают предложенную нами гипотезу распространения «единообразного» языка из Африки: некоторые слова, реконструированной С.А.Старостиным общеалтайской лексики, имеют поразительное сходство с соответствующей лексикой африканских языков, и не только семито-хамитских, но и языков банту и других. Например: ‘я’ — Lingala — na, Swahili — ni, Looma (Mande) — na, Hausa — ni. Соответствующая этому слову общеалтайская реконструкция, полученная С.А.Старостиным (обозначаем ее так: St и номер реконструкции в [5]): St 559 *na, эта форма встречается в монгольском na-, корейском — na и во многих других языках; Второе, очень важное слово, это слово ‘язык’: Hausa — halše, Fazoglo (группа Berta) — halad, Ingassana — kalat, Nuba (Восточно Суданские языки) — kalat — St 422 *k’aliV — ‘язык’. (Такую же форму для этого слова получил и И.М.Иллич-Свитыч в [3]: И-Св. № 221, k’ä/И/ä — ‘язык’). Третье важнейшее слово это ‘огонь’: Swahili — moto, Hausa — wuta, Namvezi (Bantu) mwoto — St 81*öt’V — ‘огонь’. И-Св. № 343 *qoti ‘зажигать, огонь’. (Остальные примеры представлены в таблице).

Эта информация подтверждает существующую в настоящее время теорию расселения архантропа по Евразии, свою версию которой, академик А.П.Деревянко, опубликовал в работе [14]. Это три основных направления первоначального движения за пределы территории Африки: на север, в сторону Кавказского хребта, на восток, в сторону Индостана, и на северо-восток, в сторону Памира и Алтая. Исследования дивергенции «единообразного» языка, очевидно, могли бы детализировать расселение человека по континентам.

5) По-видимому, надо согласиться со следующим суждением: лексика «единообразного» языка представляет собой праформы того древнего языка, который надеются восстановить компаративисты — классики.

6) Поскольку язык «возник» в Африке, то процент сходной лексики в африканских языках должен быть выше, чем в евразийских, в которых он также должен быть выше, чем в «далеких» американских. Кроме того, мы предполагаем, что при сохранении древнейшей лексики и ее дивергенции и распространении должны действовать (выполняться) статистические законы.

В книге Дж. Гринберга [13], выделено 6 языковых макросемей Африки: Нигер-Конго, Афразийская (та, которая у нас называется Семито-Хамитской языковой семьей Ностратической макросемьи), Койсанская, Чари-Нильская, Нило-Сахарская и Нигер-Кордофанская. В книге С.А. Старостина и С.А. Бурлак [13], несколько иное разделение африканских языковых макросемей: Афразийская (Afraz), Койсанская (Бушмено-Готтентотская, Kois.), Нило-Сахарская (N-Sah) и Конго-Кордофанская (K-Kord., в эту макросемью, авторы включили языки Нигер-Конго и языки Банту). Поскольку вторая классификация составлена намного позже первой, то мы будем придерживаться второй классификации. К тому же перечень языков в ней достаточно полный. Однако до сих пор сохраняется путаница в разных классификациях языков, что приводит к сложностям определения принадлежности языков к той или иной африканской языковой семье. Из-за того, что в этой работе нам, главным образом, требуется продемонстрировать факты принадлежности форм лексики к каким-то языкам, мы не будем придирчиво определять эту принадлежность, а будем писать название языка и форму данного слова в этом языке (мы приводим тут формы только 16 слов из нашего 22-словного списка.):

1. 'Я'. K-Kord.: Tegali, Rashdad, Moreb, Otoro, Kawama ŋi; Tumale ŋgi; Eliri aŋi, ŋi; Looma na; Swahili ni, mimi; Luganda n-, nze; Lingala ngai (na); Ruanda n-; Afraz.: Chad: Hausa ni; Cushitic: Somali aniga; Amhar. əne; Efiop. ana; Bask. ni, neu; Nivh. ni, нь, njah; Др. кит. *ŋa; Тибет. nga Общеалтайские праформы (из книги С.А. Старостина): St.559*na, (и St. 36*bā). Ural. Fin. en, Hung. mina. Dravid. Tamil. Nān. Алеут. –ŋ; Юкагирский -ŋa; Эскалеутский, Инук –ŋa. Amerind.: Wintu: ni; Kvakiutl nu.
2. 'Язык'. N-Sah: Fazoglo halad; Ingasana kalat; Sillok, Malkan kula; Tornazi unkala; West. Kordofan kuldaŋ; Afraz.: Chad: Hausa halše, harše; Centr. Chad: kki/\ /N'g/r; Ностратическая праформа в [3]: *k'ā/ŋ/ā. Общеалтайская праформа St 422*k'āliV: Тюрк. *kälä; Монг. *kele; Тунг-Маньчж. *xilŋü. Ural. Fin. kieli; Saam. käll; Udmurt k'il. Nivh. hilx. Na-Dene: Hayda khilqa. Amerind. Kvakiutl k'l-m; Wintu tahal.
3. 'Огонь'. K-Kord. Bantu: Swahili moto; Namvezi mwoto; Shona moto; Malinke ta. N-Sah.: Koma wutti; Uduk ot; Fur uto, udu; Chad. Hausa wuta. Общеалтайская праформа St 81 *ōt'V: Тюрк. *ōt. Такая же праформа есть в некоторых И-Е языках: Urdu atiš; Pers. āteš. В [3] есть такая праформа: 343 *qot'i 'зажигать, огонь'; Dravid: Ot/\ 'разжигать'.
4. 'Гореть'. Afraz.: Hausa kona. Общеалт. St. 256 *k'uŋV – 'гореть'. Тюрк. *küñ; Монг. *küñ-küni-; Тунг-Маньч. *хун (gV). Чук.-Камч.: Чукот. kəŋu-et; Коряк. qanGaqaŋ; Юкагирский kīniq; Алеутский qīŋi-. На-Дене: Haida k'ina – 'горячий'; Tlingit kan (qaŋ); Chipevian k'an, khun – 'огонь'; Navaho k'āNŋ, khoN – 'огонь'.
5. 'Глаз'. K-Kord. Bulom nyeny; Malinke, Dan nya; Susu nia; Nafana nye(ne); Ibo anya; Abure enyi; Efik enyin; Mandinke ŋaa. Гр. Манде nia, nya, и т.д. N-Sah. Dinka nyin; Ogba ènyà. Эфиоп. ain. Общеалтайская праформа St 21 *nia: Монг. *nidün; Тунг-Маньч. ŋiā-sa. Nivh. njah. Na-Dene: Mattole nā-, nāk.
6. 'Видеть' ('Смотреть'). Hausa gain; N-Sah. Nub. go:n, Longarim gain, gini, gu:nye; Urhobo – look. Драв. Тамил. kān. Китайск. kan; Восточно-кавказск. языки: Чеченск. gan – 'видеть'.
7. 'Резать'. Есть две формы: первая, с основой kata, и вторая — праформа в книге В.М.Иллич-Свитыча [3] № 196 k'ācā 'резать'. Рассмотрим первую форму: Афр.языки: Swahili, Lingala kata; Hausa gatari-'топор'; Ural: Fin. leikata. Kartv. k'odva; Тагалск. katayin. Существует такая форма и в И-Е, восточных языках.
8. 'Нож'. Удивительно сходство между формами африканских слов языков Банту и формами языков всех семей ностратических языков: Swahili kisu, kijisu; Luganda ekiso. Прафор-

- ма из [3]: № 196 k'äcä 'резать': Ural.: Марийский (горный) kəzə; (восточн.) küzö; Угорск.: Венгер. kés; Мансийский (вост.) käsəj; (сев.) kasaj.
9. 'Хватать'. У В.М. Иллич-Свитыча № 190 *k'aba/k'ap'a. Мы думаем, что в африканских языках: Swahili kama; Kushit: Saho kab; Galla qab; Chad: *gob: Hausa kama. N.-Sah.: Ogba kra; Ural: Fin. Kaapata, Hung. elkar. Общеалтайская праформа: St 318 *k'ap'V: Тюрк. *кар; Монг. *kab-la; Тунг.-Маньч. *хар-ki-. Тагальский kapitan. Kartv. харangi-'капкан'.
10. 'Знать'. Форма этого слова, которая есть в словаре [3], удивительно устойчива во времени: № 42 *c'ina, № 163 *kEN/. К.-Kord.: Mande koni, koin, kwen. Afraz.: Hausa sani, shina, sen. Kartv. goneba, codna, snoba. В И-Е языках: Urdu dzānnā; Lat. conoscere; Engl. Know. Славянские и балтийские формы тоже относятся сюда же.
11. 'Собака'. Из Афр. форм, только чадские: Gamergu kene; Jegu kān. Общеалтайская праформа: St 548 *kaŋV. В [3]: *K'ujnA. Ural: Udmurt kyjon; Komi koin. В Kartv. dzu-kna 'сука'. В И-Е языках такие же формы, кроме славянских. Кит. quan. Nivh. kan (qan). Amerind.: Haida xa.
12. 'Рот'. Hausa baki; Общеалтайская праформа: St 189 *ak'V. Kart. bage-'губа'. И-Е: Urdu bālak. Ital. bocca. Нахск. бага. Amerind: Nutka ak-sul.
13. 'Рыба'. К.-Kord.: Looma kali (арх.); Chad. Somali kaluunka. Общеалтайская праформа: St 362 *k'olV. В [3] № 155 *kal/. Ural: Fin. kala; Hung. hal. Kart. k'almaxi-'форель'. Енисейские: kol-'язь', kolgit-'стерлядь'. Birman.: sholmounga-'кета', sholeman-'лосось'. Nivh. k'alm-'кит'. Chukot. Kalal - 'горбуша'.
14. 'Ребенок'. В работе [3], № 32 *b/ɾ/. Kartv. bere. В Арамейском bar-'сын'. Общеалтайская праформа: St 314 *bāldV. В Нахск. ber; Мы считаем, что из этих языков в Lat. оказалось ruet, а в балтийских bernas.
15. 'Гусь'. В большинстве языков, которые мы рассматривали, существуют две формы для этого слова: форма с основой bat, и форма, совпадающая с общеалтайской праформой: St 338 *gasa 'птица', 'журавль'.
16. 'Карп'. Именно в такой форме karp, это слово существует в очень многих языках Евразии и Африки. Это явление, так же как и название гуся, вызывает удивление, и пока не поддается объяснению.

Несмотря на несовершенство списка (проверено не больше 2% существующих в настоящее время, языков, и, конечно же, наиболее доступных), мы все же хотим сделать несколько выводов:

1. Нельзя не заметить, что в общеалтайской лексике [5], существуют две реконструированные праформы одинакового значения для нескольких базисных слов. Одна из этих праформ имеет удивительное сходство со словами, такого же значения африканских языков. Например:
- 'я'. В африканских языках следующие формы: ni, na, и др. — общеалтайская праформа: *na;
 - 'язык'. В афр. яз. формы: kalat, halad, unkala, kula — общеалт. праформа: *k'āliV;
 - 'огонь'. Афр. формы: moto, uto, wuta, ot, ito — общеалт. праформа: *ōt'V;
 - 'гореть'. Афр. формы: kona — общеалт.: *kuŋV;
 - 'глаз'. Афр. формы: nua, nia — общеалт.: *nia;
 - 'хватать'. Афр. формы: kama, kamata — общеалт.: *k'ap'V;
 - 'собака'. Афр. формы: kene, kān (правда, это формы ностр. языков, которые должны иметь общие корни с алтайскими; в зап. кушитских: *kjn.) — общеалт. *kaŋV;
 - 'рыба'. Афр. формы: kali, kaluunka — общеалт. *k'olV;
 - 'рот'. Афр. формы: ag, dag — общеалт. *ak'V;
 - 'карп' (рыба). В африк. языках: karp — в уйгур., алтайск. и тувин.- karp.

2. Как мы уже говорили выше, нельзя также не заметить довольно существенное отличие индоевропейской лексики от лексики остальных языков. Правда, такое отличие не во всей лексике, а только в некоторой (в некоторых индоевропейских языках неизменными остались формы для слов 'собака' и 'рыба'). Причем, это отличие распространяется и на алтайскую лексику, которая имеет две формы. Например, во многих языках форма для слова 'глаз' — ni, nia, а для И-Е языков (и в алтайских языках, см. [3]) характерна форма oko. А в некоторых языках,

которые можно назвать «пограничными», существуют две формы («пограничными» мы называем, например, такие языки, как урду, афганский, которые, по нашему мнению, живут на границе «двух миров» — одного, в котором преобладают восточноазиатские языки, и другого, в котором преобладают ностратические и некоторые другие африканские языки).

Вообще говоря, базисная лексика рассмотренных индоевропейских языков не дает основания утверждать, что эта лексика близка друг к другу. И не только при сравнении форм нашего списка. Это говорит о том, что проблема родства между собой индоевропейских языков далека от решения. (Необходимо учесть, что базисная лексика, общая для этих языков, подобна той же общеалтайской [15]).

3. Сохранившаяся до нашего времени лексика, по-видимому, «разбросана» случайным образом во всех проверенных нами языках. Причем, в первом приближении, можно сказать, что количество слов, сохранившихся в отдельных языках, обратно пропорционально расстоянию между территорией Восточной Африки и территорией проживания современных носителей этих языков.

4. Если принять предлагаемую гипотезу о едином генезисе древнейшей лексики, то придется пересмотреть статус так называемых изолированных языков. В качестве примера можно привести нивхский язык, который считается изолированным.

Первый из этих выводов может свидетельствовать о направлении движения первой миграционной волны палеолитических охотников. Это движение (мы бы хотели бы заменить термин «миграция» на «первоначальное расселение») направлено через территорию современного Афганистана, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана, в сторону Алтая. По нашему мнению, участники второй миграционной волны имели лексику второго типа, которую условно можно назвать индоевропейско-алтайской.

Мы полагаем, что можно связать участников второй миграционной волны с выходом из Африки *Homo sapiens*, у которого был язык, по нашему мнению, близкий к праиндоевропейскому, — сравните формы слов: ‘я’, ‘язык’, ‘огонь’ и др. в индоевропейско-алтайских и некоторых африканских языках (me, mi; lis, les; rog, rug и т.д.) и в ряде других языков (ni, ne; kil; ota). Следует заметить, что слова ‘собака’, ‘рыба’, ‘рот’, ‘карп’ и ‘хватать’, ‘кора’ остались одинаковыми для обоих потоков мигрантов из Африки. Мы, конечно, не исключаем существование каких-то других языков с другой базисной лексикой, однако, сейчас говорить об этом, по-видимому, рано.

В заключении мы хотим сказать несколько слов о времени появления языка.

Не имея возможности самим охватить весь материал, и по археологии и по антропологии, мы воспользовались книгой американского антрополога, Стивена Оппенгеймера, «Изгнание из Эдема» [16]. Мы не будем касаться проблемы увеличения (или уменьшения) объема мозга у человека, что является для антропологов аргументом, поясняющим появления языка у человека. Просто приводим три цитаты из этой книги. Со стр.48: «Мне кажется, что именно дар речи был тем уникальным навыком, обладателями которого 2,5 млн. лет тому назад стали родственные виды *Homo* и *Paranthropus*, что и позволило им в самом тесном сотрудничестве друг с другом выжить во время засушливых циклов плейстоценовой ледниковой эпохи и тем самым обеспечить дальнейший рост и развитие мозга». На стр. 49: «... вполне вероятно, что еще более 2,5 млн. лет назад мы обладали способностью общаться при помощи неких знаков, что способствовало увеличению объема нашего мозга, и что наш мозг рос и развивался до некоторого порогового уровня, пока мы... внезапно не обнаружили, что можем разговаривать друг с другом». Стр. 54: «Согласно гипотезе Болдуина, эти атрибуты (подъязычная кость, увеличение грудного отдела спинного мозга и увеличение щели для подъязычного нерва), указывают, что предок неандертальцев (как и наш собственный предок), *Homo heidelbergensis*, еще свыше 500 тыс. лет назад обладал даром членораздельной речи».

Литература:

1. Лингвистический Энциклопедический Словарь (ЛЭС). — М., 1990. — С. 108.

2. Вандриес Ж. Язык. — М. 1937.
3. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения нестратических языков. (ОСНЯ). Т.1. — М., 1971.
4. Сводеш М. Лексические связи языков Америки и Евразии. // Этимология 64. — М., 1965.
5. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
6. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира. // Вопросы языкознания. — 1991. — № 2-3.
7. Козырський В., Маловічко О. Досвід дослідження моногенезу мов. // Мова та Історія. — 2005. — Вип. 85.
8. Маловичко А.В., Козырский В.Г. Происхождение человека и моногенез языка. // Соционика, ментология и психология личности. — 2005. — № 6.
9. Маловичко А.В., Козырский В.Г. Моногенез языка. // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. — Т. 1. — 2007. — № 1.
10. Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. — М., 1989.
11. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. // Кетский сборник. — Л., 1995.
12. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-Историческое языкознание. М., 2005.
13. Greenberg J. H. The Languages of Africa. Bloomington, Indiana. 1963.
14. Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита. // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005. — 2 (22).
15. Козырський В., Маловічко О. Про алтайську лексику в германських мовах. // Вісник Київського національного Університету ім. Т.Шевченка. Східні мови та література. — 2006. — № 11.
16. Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема. М., ЕКСМО, 2004.
17. Мосенкіс Ю. Л. Теоретичні аспекти поглибленого діахронічного дослідження основної лексики. — К.; АТ „ВПОЛ” ВП „Перше вересня”, 1997.
18. Мосенкіс Ю.Л. Общемировой праязык: история вопроса и постановка проблемы. // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. — 2007. — № 1. — С. 5–13.
19. Мосенкіс Ю.Л. Общемировой праязык: теоретические основания реконструкции. // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. — 2007. — № 2. — С. 5–9.
20. Trombetti A. Elementi di glottologia. — Bologna, 1923.

Статья поступила в редакцию 11.09.2007 г.

Об авторах:

МАЛОВИЧКО Александр Викторович — кандидат физико-математических наук, академик УАННП, зав. лабораторией технического лица при КПИ, председатель семинара «Язык и история».

КОЗЫРСКИЙ Владимир Глебович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИТФ НАН Украины.